

12+

ВИКТОР МАЛИКОВ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ ЗАЛЕСЬЯ

Виктор Маликов

Рождественские истории Залесья

«Издательские решения»

Маликов В.

Рождественские истории Залесья / В. Маликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605404-2

«Рождественские истории Залесья» — сборник из четырех уникальных по своей красоте и содержанию мистических рассказов, публиковавшихся ранее отдельными книгами: «Ведьмина месть», «Вторая ночь от Рождества, или Забытое преданье» и др. Собранные в книге произведения, пронизанные волшебным духом русского фантастического фольклора, тонким юмором и невероятным сюжетом, с великой любовью к русской культуре, поведают читателю об удивительных событиях, случившихся в Залесье в Рождественские дни..

ISBN 978-5-00-605404-2

© Маликов В.
© Издательские решения

Содержание

ВИКТОР МАЛИКОВ	6
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ ЗАЛЕСЬЯ	7
Рассказ первый	9
ВЕДЬМИНА МЕСТЬ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рождественские истории Залесья

Виктор Маликов

© Виктор Маликов, 2025

ISBN 978-5-0060-5404-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИКТОР МАЛИКОВ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ ЗАЛЕСЬЯ

«А если хочешь быть еще понятней всем, то, набравшись духа библейского, опустишь с ним, как со свечочем, во глубины русской старины и в ней порази позор нынешнего времени ... <...> ... не бойся, старина даст тебе краски и урже одной собой вдохновит тебя! Она так живьем и шевелится в наших летописях». Л. В. Гоголь/.

*В пору Святого Рождества
В веках забытые преданья,
Являют миру чудеса
Волибных таинств мирозданья.
/Виктор Маликов/.*

ПРОЛОГ

Как же можно не восхищаться, величием исконных традиций простого русского народа?! Необычайно, прекрасных в своей первозданной красоте, наивных по простоте, и от щедрот

душевных, до самых краёв, заполненных многовековой мудростью и безграничной народной фантазией.

Вот и на Большие Велесовы Святки, те, что нынче, в православной России Рождественскими именуются, и чудесным образом приходятся на те же дни, что и ранее, и длятся также, от Сочельника до Христова Крещения, по поверьям предков наших, открывает Бог Велес, надёжно запертые, до этой поры двери; соединяющие два мира – Яви и Нави. Стираются меж ними всяческие границы и вторгаются в жизнь людскую всевозможные духи и сущности.

Духи добрые таковы, что помочь могут, и подскажут, и на правильный путь направят. А вот злые, нечистые, ... дело страшное! Раз на волю вырвавшись чинят безобразия, козни всякие людям строят. Разойдутся почём зря, разбеснуются, да так, ... что иной раз, и вовсе, ... до смерти довести могут.

Да вот, только не лыком шит наш великий народ русский, и на всякие обстоятельства у него свои особые, самобытные рецепты имеются – добрых духов привлечь, задобрить, а от злых оградиться, отвадить.

Только, что проку было бы от рецептов этих – если б не дал Бог душе русской той великой, таинственной силы – Веры искренней!

Веры стойкой и нестигаемой в неизбежное торжество над невзгодами трех великих основ добродетели – Доброты, Любви, Сострадания!

И на тему эту, много разных историй сложено. Вот и я, расскажу вам несколько, да таких, ... что вы раньше не слышали!

Рассказ первый

ВЕДЬМИНА МЕСТЬ

Что за удивительное зимнее торжество – русское Рождество! Взявшись за руки, весело несутся по дворам в едином ликовании святого таинства, крепко-накрепко сплетенные временем славные традиции славянских преданий и христианского православия. Безо всяких на то особых усилий, вовлекая душу русскую в круговорот событий поистине уникальных и неповторимых по своему содержанию.

С завидным постоянством свершаются на Руси в эту пору события чудесные и завораживающие. Вот и еще одна такая история, приключившаяся в Залесье, аккурат на страшные вечера.

Отшумели святочные гуляния. Утомленный их веселым игрищем, осел деревенский народ по избам, опасаясь без особой на то нужды не то чтобы из дому выходить, но даже носа на двор не выказывать. Да оно и верно, незачем беду на себя накликают в бесовскую неделю.

В первую ночь страшных вечеров возвращался домой солдат Тихон Могута. Шестнадцать лет без малого провел он в царевом ополчении. По большей части всё в боях да сражениях. И вот надо же, как свезло мужику?! Полная военная отставка за ратный подвиг – честь великая и редкость почти невозможная. Лично из царевых рук грамота о том, согрела Тихона за пазухой лучше всякой печи в морозную пору.

А мороз той ночью пробирал не на шутку.

В то же самое время со стороны леса под ясными звездами влетала в деревню на помеле старая ведьма. Покружив немного над дворами, и окончательно определившись с выбором, снизилась она над одним из богатых скотных дворов.

Данное обстоятельство никак не могло ускользнуть от зорких глаз бывалого солдата. Пригнувшись за изгородью, Тихон как можно ближе подобрался к тому месту, где остановилась ведьма.

Под сводом ворот ярко горела свеча. Спустившись еще ниже, ведьма внимательно осмотрела её.

В коварном взгляде старухи злобно блеснул дьявольский свет. Она вдруг рассмеялась чему-то, запрокинув голову, и с презрительным высокомерием задула трепещущий огонёк.

В аккурат в этот самый момент Тихон выйдя из своего укрытия, размахнулся и запустил в ведьму плотно скатанный снежный комок; да с такой силой, что от этого неожиданного удара ведьма лишь по счастливой случайности, чуть было не свалилась со своего помела.

– А ну, брысь нечисть! Ты что старая удумала, у добрых людей коров доить?! Катись, пока цела! А не то я твоим же помелом все кости тебе переломаю, век помнить будешь! – пригрозил Тихон ведьме, сопровождая свои слова демонстрацией увесистого кулачищи.

Взбешенная таким бесстрашием ведьма резко взмыла вверх и, описав петлю в воздухе зависла прямо перед Тихоном, уткнувшись черенком помела в его богатырскую грудь.

– Смотри солдат! Ответишь ты мне за это! Горько ответишь! – с неприкрытой злобой, процедила сквозь зубы ведьма. Лихо сдала на помеле немного назад и, развернувшись по направлению к лесу, улетела прочь.

В самой непроходимой чаще старого заснеженного леса на небольшой поляне стоит такая же старая заснеженная избушка. Из трубы её столбом поднимается в ночное небо густой белесый дым, а если присмотреться повнимательнее, то можно даже заметить в узком оконце её тускло горящий свет. У печи на припечке спит, свернувшись калачиком большой черный

кот. Словно собака, почуяв приближение хозяйки, приподнял кот голову и, наострив усы, провел носом по воздуху; встал на лапы, валяжно потянулся и спрыгнул на пол.

В свете коптящей лучины отбрасываемая им на стену тень, начала вдруг медленно расти, увеличиваясь в размерах, пока не стала очертаниями своими похожа на самого настоящего... чёрта.

В печи что-то суетливо зашуршало, зашкрябало, отодвинулась заслонка и сквозь повалившийся из её устья густой клуб дыма, показался в поде увесистый зад ведьмы.

После непродолжительной возни откашливаясь дымом и отряхивая сажу, в избу, наконец, влезла и вся ведьма целиком.

Чёрт все это время нетерпеливо потирал ладони.

– Ну что, матушка, принесла молочка сиротинушке? – подступил он к ведьме.

– Ладан тебе в глотку, а не молока! – оттолкнула старуха в сторону испуганного чёрта.

– Все испортил солдат проклятый, чтоб ему пусто стало! У, христово племя! – не унижалась ведьма, потрясая костлявым кулаком в направление деревни, – Узнаешь еще у меня почём ныне фунт лиха!

И тут же резко переключилась на чёрта, – Опять дрых бездельник?! – Хоть бы поесть чего состряпал!

– Да ты что с ума сошла старая, какой из меня стряпуха?! – возмутился чёрт.

– Ладно! – смягчилась старуха, – Тащи мухоморы, готовить буду.

На скорую руку заварила ведьма ядрёную грибовницу, и долго еще уплетая за обе щеки деревянными ложками забористую похлебку, судили-рядили лесные злыдни как бы им так побольнее солдата неугодного проучить.

Солдат же прогнав ведьму, высек огниво и аккуратно разжег потушенную старухой свечу.

Разгоревшаяся свеча благодарно затрещала, озаряя трепещущим светом деревянные своды скотных ворот. Тихон осмотрел их и наконец-таки понял причину вызвавшую интерес ведьмы.

Сальная свеча довольно сильно коптила, и за этой копотью совершенно не стало видно нарисованного за ней святого креста. Тихон, нанес кресалом поверх закопченного, свежее его изображение и с полным чувством выполненного долга поспешил к родительской избе, предаваясь приятным мыслям о долгожданной встрече с родными отцом и матушкой.

Изба их располагалась на самом краю деревни за небольшим оврагом.

Проторяя в снегу глубокую борозду, как можно скоро пробирался Тихон к родному жилищу.

«Дым из трубы валит, свет в окошке мерцает. Видно не спят еще родные» – ликовал в душе солдат.

Подойдя к знакомой двери, он нетерпеливо громко постучал щекоткой.

– Э-э-й, хозяева! Отворяйте двери, встречайте гостяжданного!

В избе кто-то засуетился, чем-то там стукнули, звякнули и в установившейся тишине донесся из-за двери настороженный женский голос.

– Кто там?!

– Кто же еще в такую-то пору? Свои конечно! – игриво ответил Тихон и шутейно добавил, – Отворяйте скорее, люди добрые, не то дверь вышибу!

С таким привычным из самого детства и с таким милым сердцу скрипом ожила внутри избы дверная задвижка.

Дверь распахнулась и на пороге... появилась молодая девица напускного воинственного вида со скалкой в руках.

– Ты чего тут буянишь скаженный? А ну, топай отсюда, пока не огрела по маковке! – взмахнула девушка скалкой, – Ты смотри! Дверь он вышибет! Сказывай чего надобно да проваливай!

«Неужто избой ошибся?» – подумал Тихон.

– Тише девица, тише, а то ведь и правда зашибешь ненароком, – поднял он руки вверх, демонстрируя пустые ладони, – Скажи-ка лучше, не Ивана ли Могуты и жены его Степаниды изба эта?

– Так и есть, их самая. А тебе почто?

– Да вот видишь ли дело, какое. Сынок я их единственный. Стало быть, и изба эта наша общая. Давно дома не был, службу правил. Вот вернулся восвояси с божьей помощью да по царской милости. А кто ты, красна девица, ума не приложу?

– Ой! Тихон Иванович вернулся! – уронив скалку на пол, растерянно прикрыла ладонями уста красна девица, и тут же спохватившись, затараторила, – Чего ж это я дуреха? Входите, Тихон Иванович, входите скорее. Устали небось с дороги, замерзли, проголодались. А меня Миланьей кличут, я тут пока вас не было, по хозяйству справлялась. Вы не беспокойтесь, я вас не стесню. Вот подам на стол, вещи соберу, и уйду сразу же, – заспешила к печи Миланья, пряча от пытливого взгляда Тихона наворачивающиеся слезы.

– Девица ясная, а где же это родные мои? – снимая шубу и усаживаясь за стол, поинтересовался солдат, – Не уж-то гостят у кого по сию пору?

Миланья, при этих словах прекратила суету у печи и удрученно опустила на лавку.

– Тяжелые у меня вести Тихон Иванович, не судьба уж боле вам с родными встретиться. Второй год уж пошел, как не стало родителей ваших царство им небесное, – перекрестилась Миланья. – В один год друг за дружкой ушли, сначала батюшка ваш Иван Афанасьевич, а тремя днями позже и матушка Степанида Ярославна – светлая ей память! Тихо ушли, по старости, до последнего вздоха вас поминали добрым здравием, да вот так и не дождались при жизни, – изложила безрадостные новости Миланья, утирая передником, бегущие по щекам слезы.

Пригорюнился Тихон, совсем не такой он себе встречу с родными представлял, да только делать нечего, от судьбы не сбежишь, в лесу не спрячешься. Ужинал, молча, а Миланья тем временем вещи свои в узелок собирала. А когда прощаться с Тихоном стала, встряхнул вдруг солдат буйной головой, смахнул с чела мысли мрачные и, придя в себя, произнес:

– Погоди Миланья, не уж-то я тебя одну в такую пору отпущу?! Давай узелок, провожу, куда скажешь.

Оделись, вышли на улицу. А там!... Такая красота дивная – ночь зимняя! Точно на палеховской шкатулке, что даровал заезжий купец отцу Игнату для церковных пожертвований.

– Куда идти-то красавица?

– К церкви Тихон Иванович. Тут совсем недалече, – Миланья указала варежкой в нужном направлении.

– Да что ты заладила всё Тихон Иванович, Тихон Иванович! Тихон я попросту, Ти-хон. Ясно?! – пробираясь в глубоком снегу поучал спутницу Тихон.

– Ясно, – ответила семенившая следом девушка, заливаясь румянцем.

– Дорогу к церкви я и с закрытыми глазами знаю. Вот только тебе-то туда зачем? Сколь себя помню, детей у отца Игната ни когда не было, – поинтересовался Тихон.

– Все мы чьи-то дети Тихон Иванович, а я сирота, ни кола ни двора. Куда ж мне еще идти? Родители ваши совсем дитяткой меня приютили, дочкой звали. Пока живы были, я при них была, а теперь чего уж? Поди, не маленькая, теперь и сама, как-нибудь, устроюсь...

– Чего?! – прогремел остолбеневший солдат, и резко повернувшись к девушке, едва не сшиб её с ног заброшенным за плечо узелком.

– Ты на кой мне всю дорогу голову морочишь, сорока?! А ну, давай! Повертай назад сестрица! Взрослая она, устроится! Давай, давай, шевели валенками! – легонько подталкивая в спину растерянную Миланью, продолжал возмущаться Тихон, – Тоже мне монашка, в церковь она собралась! Топай, топай! Дома поговорим.

В избе было тепло и уютно, будто переговариваясь меж собой, мирно потрескивали в печи поленья. Тихон и Миланья сидели по лавкам друг против друга. Она, скрестивши на груди руки и деланно насупившись, смотрела в пол.

– Ну, что стрекоза, угомонилась?

Миланья утвердительно закивала головой, смахивая с ресницы не то оттаявшую снежинку, не то наворачивающуюся слезу.

– Ну, вот и лады! Разве ж по-людски это, чтобы сирота сироту обижал? Ты чего это обо мне надумала незнаючи? Что же я тебе, вражина какая?!

Миланья неожиданно вскочила с лавки, подбежала к солдату и сев на пол, обняла, по-детски уронив голову ему на колени.

– Прости, сама не знаю, что на меня нашло, так горестно вдруг стало, так страшно. Прости Бога ради, Тихон!

– Ты чего это?! Вставай, вставай! – поднял смутившийся Тихон Миланью с пола и усадил рядом с собой на лавку, – Не в чем тебе предо мной извиняться... И бояться более незачем. Чай теперь люди свои, не чужие.

Так и сидели нежданно-негаданно две породнившиеся души. Тихон успокаивал Миланью, обнимая за плечи, а она, молча, сидела рядом, смиренно приклонив голову к его широкой груди.

Как в народе говорится: «Не бывать в жизни счастьем, кабы несчастье не породнило!».

Да вот только радости этой случилось быть не долгой, потому как ведьма с чёртом, вот какую подлую оказию выдумали.

Оборотить Тихона в волка Серого, в зверя Лютого. В лесу такому оборотню долго не усидеть, всенепременно затоскует и к дому своему воротится. А бирюк в деревне, примета весьма нехорошая, заприметят его мужики, тут же на вилы посадят.

Заклятие такое само по себе не мудреное, да вот только в исполнении несколько хлопотным представляется.

Что бы человека в волка оборотить, надобно его заставить через ножичек на перекрестке дорог перекувыркнуться. Только где ж это видано, чтобы человек в здравом разуме, да по собственной воле, посреди деревни на дороге, через голову кувыркался! Это только у сказителей в сказках Баба-Яга зелье сварит, пальцем щелкнет и в раз все само собой сотворится. А тут хитрость особая нужна – коварная!

Поразмысли злыдни, покумекали и порешили: на пару злое дело вершить, так оно им надежнее показалось.

Заговорила ведьма булатный ножичек, воткнула его в осиновое полено, острием вверх и, смакуя задуманную подлость, полезла на печь одолеваемая крепким сном.

Мелкие детали на утро додумать оставили.

Нечистью они хоть и темной зовутся и дела свои темные в основном по ночам творят, но и у них – утро вечера мудренее случается.

Поутру отправились Тихон с Миланьей на церковную службу. Литургию отстояли, с друзьями, знакомыми повидались, о былом вспомнили, о насущном потолковали.

После на могилки к отцу с матушкой наведались. Там-то, на погосте, Тихон один и остался.

Потому, как Миланью наперед себя домой отправил, подумав, что не к чему юной девице мужские слезы видеть, да мерзнуть попусту.

Возвращался в деревню, когда уже солнце в зените стояло.

В это самое время, ... неотступно и настороженно держась поодаль, увязался следовать за ним по пятам, черный как смоль, большой, зеленоглазый кот.

Шел Тихон к дому вдоль крестьянских изб широкой деревенской улицей. Белый снег, сверкая на солнце до боли слепил глаза, из дворов доносилось ленивое разноголосье домашней

скотины. То там, то здесь, величаво взгромоздясь на заборы, до полной хрипоты голоса вели меж собой звонкую переключку, преисполненные самодовольной гордости местные петухи.

Тут-то все и случилось...

Из окрест, по наезженной дороге навстречу Тихону мирно тянула за собой нагруженные дровни старая гнедая лошадь. Держась за поводья, и плотно кутаясь в овчинный тулуп, со сказочно седой от налипшего инея бородой и такими же седыми бровями, брел сбоку саней и сам их хозяин.

Вдруг... откуда ни возьмись, выскочил на дорогу большой черный кот, и дико ошестинившись, бросился наперерез лошади.

Такой неожиданностью лошадь испугалась, взбрыкнула и понесла.

Все бы ни чего, да только опрокинув хозяина и рассыпая из саней сушняк, неслась она сломя голову прямо в гурьбу лепивших снежную бабу деревенских ребятишек.

Тихон, не раздумывая, бросился ей навстречу.

Неудачно споткнувшись о невесть откуда взявшееся в снегу полено перекувыркнулся через голову и, не останавливаясь проворно вскочил на ноги как раз перед самой мордой поравнявшейся с ним лошади.

Со всей, что было мочи, рванул Тихон её под уздцы, и та, выбивая копытами снопы снега, тут же остановилась.

Одновременно с этим в груди у Тихона что-то хрустнуло, да так, что хоть волком вой. Охватила все тело невесть откуда взявшаяся нестерпимая боль, в голове закружилось, в глазах потемнело. С тем чтобы не пугать более и без того всполошившийся из-за неожиданного происшествия деревенский люд, Тихон тут же передал лошадь подоспевшему хозяину и быстро удалился из виду, за соседнюю избу, как раз выходившую задней своей стеной к опушке леса.

Невыносимо ломило кости.

«Что ж это за напасть-то такая?!», корчась от боли, недоумевал Тихон.

Но боль только усиливалась, и какая-то неведомая сила тянула его к лесу.

Влекомый этой неодолимой силой бросился он в его направлении, скидывая с себя на ходу всю стеснявшую тело одежду. И уже у самой опушки леса, если бы обратил на это своё внимание какой-нибудь деревенский зевака, человеческие следы его оборвались, удивительным образом превратившись в следы огромного волка одиночки.

Наблюдавшая с высокой сосны за всем происходящим старуха ведьма, удовлетворенно терла озябшие на морозе ладони то и дело, согревая их своим дыханием.

– Будет тебе впредь наука вовчара!

Только вот о самом главном забыла старая колдунья, а именно о том: что человек хороший, добрый, честный, отзывчивый по природе своей, даже в волчьем обличи таковым навсегда останется.

Вот и Тихон не растерялся. Далеко в лес не побежал. Оборотничество оно оборотничеством, а душа-то и разум прежними остались.

Привыкая к новому обличию, устроился Тихон на мягком лапнике под большой развесистой елью. Слух его обострился так, что слышно как мыши под землей суетятся, а нос... за версту чувствует, как добрая хозяйка в избе жирного гуся запекает.

В волчьей шкуре Тихону вполне тепло и уютно показалось, вот только большой серый хвостик несколько раздражал своей вихлявой живостью.

Вдруг обострившимся чутьем своим почуял Тихон, что на том самом месте, где он лежит, что-то в земле схоронено. Встал на лапы, и принялся рыть замерзшую землю. Схрон тот неглубоким оказался и в скором времени вытащил он из него зубами на свет божий дерюжный мешок. Сунул в него морду, а там... три небольших берестяных туеса лежат, таких, в каких по обыкновению своему бывалые охотники провизию хранят и мелочь всякую. Да только вот

совсем не провизия в тех туесах оказалась. Два из них, под завязку полны пороховниц с порохом, а вот третий... доверху набит золотыми червонцами!

«Вот так находка! Да тут не меньше сотни золотых будет! – подумал Тихон. – Только какой от них прок сейчас?» – и в сердцах отшвырнув в сторону мешок, снова улегся на лапник, погружаясь в раздумья.

Семи пядей во лбу Тихону не понадобилось, чтобы уразуметь, чьих рук колдовство это подлое над ним сотворилось. А вот как дальше быть и что делать? Этого он не ведал, куда... не заметил бегущего через лес черного кота, того самого, что наемни так неожиданно лошадь напугал.

Принюхался Тихон, а кот-то тот и не кот вовсе! Смердит от него по-черному нежитью.

Тихон зло оскалился, зарычал. Выйдя из своего укрытия, встал против ветра и, следуя волчьим инстинктам, стремительно бросился наперерез коту, ловко скрываясь за лесными деревьями и кустарником.

Ничего не подозревающий кот, пробежав еще полверсты внезапно, остановился, неожиданно заприметив на торчащем из снега осиновом пне ярко-оранжевый зимний опёнок.

Оборотившись самым собой, фыркая и отряхиваясь от снега, чёрт уже было протянул мохнатую лапу сорвать лакомый грибочек, как вдруг из-за пня, будто из-под земли, выросла перед ним во весь рост, огромная фигура серого волка.

Разъяренный зверь, обнажая острые клыки, одним прыжком преодолел пень и со страшным рыком набросился на застигнутого врасплох чёрта.

Долго потом еще ломали головы местные охотники, тщетно пытаясь определить, от какого зверя такого иссиня-черная шерсть по всему лесу клочьями разбросана.

Желая всем своим существом вырваться из цепких лап волка, постарался, было, чёрт взобраться на ближайшую осину, но Тихон так хватил его зубами за заднюю лапу, что аж кости хрустнули. Повалил чёрта на спину и, вдавливая своим могучим телом глубоко в снег, вознамерился, уже было вцепиться зубами ему в глотку, когда тот, чуя неминуемую гибель, жалобно взмолился.

– Не губи солдат! Пощади! Все что хочешь, для тебя сделаю! Не я это! Не я! Ведьма проклятая все придумала! – визжал перепуганный чёрт.

При этих словах Тихон остановился, не ослабляя, тем не менее, давления на поверженную жертву, потому как именно в это самое время созрел у него в голове хитро мудрый план: «Что мне толку от разорванного чёрта? Проклятия этим не снимешь, а вот ежели ведьму через него наказать?.. Для такого дела он мне в самый раз живехоньким пригодится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.